

УДК 94(410).07

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ПОЛИТИКО-ПРАВОВОГО ПОЛЯ КОЛОНИАЛЬНОЙ ВИРГИНИИ

© 2022 Е.П. Макаров

Самарский государственный технический университет

Статья поступила в редакцию 04.06.2022

Статья посвящена изучению исторических особенностей становления и развития самобытной модели правовых отношений, сложившихся в Виргинии колониального периода. Существующая источниковая база позволяет соотнести лежащие в области права интересы некоторых важнейших участников локальных социально-политических процессов, таких как официальные власти колонии, местная земельная элита и широкие слои североамериканского общества. Анализ становления судебной системы в колониальных владениях Великобритании отражает специфику отдельных колоний, среди которых юридические практики Виргинии справедливо занимали особое место, поскольку являлись прямым отражением политического компромисса между наиболее заметными группами влияния, такими как окружение губернатора, местные земельные элиты и политическая нация колонии. Особого внимания заслуживает включение юридической системы колониальной Виргинии в своеобразную модель сдержек и противовесов, оказывавшую важное воздействие на установление баланса между различными ветвями власти. Вместе с тем исторический опыт Виргинии наглядно показывает, как нужды колониальной экономики определяли развитие местного права и политической системы.

Ключевые слова: североамериканские колонии, колониальные элиты, Виргиния, юридическая система, Американская война за независимость.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-44-50

Начиная с самого раннего периода существования колонии на базовом уровне практически все юридические процедуры в Виргинии были основаны исключительно на правовой системе и традициях метрополии. В колониальных юридических документах начиная с середины XVII в. по умолчанию принималась идея безусловного приоритета английского права. При этом важно понимать, что, основываясь на юридическом базисе метрополии, колониальные юристы самостоятельно формировали его локальную надстройку и имели большую свободу в выборе вариантов толкования и правоприменения. Иногда расходясь во взглядах и способах толкования

права со своими английскими коллегами, американские правоведы лишь делали акцент на местную специфику правоприменения, учитывали колониальный контекст, но практически никогда не выражали намерений выйти за рамки, обозначенные британским правовым полем¹.

Местные юридические традиции Виргинии фактически закладывались уже в период, близкий ко времени основания колонии в 1607 г. Колониальному губернатору при этом вместе с новой должностью предоставлялись полномочия и исполнительной, и судебной власти. В 1610-е гг. правовая система Виргинии претерпела первые важные изменения, обусловленные частичным перераспределением власти таким образом, при котором некоторую долю юридических полномочий получили совещательный по

Макаров Егор Павлович, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук. E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com

своей изначальной сути губернаторский совет и законодательный демократический орган колонии – Дом Бёрджесов. Стоит отметить, что 1620-1630-е гг. стали временем поиска оптимального баланса в распределении судебных функций, и в начале 1640-х гг. в Виргинии стали функционировать окружные суды, власть в которых практически всегда была представлена коллегией глав богатейших семейств и одновременно крупнейших землевладельцев округа. Члены подобных коллегий имели письменную санкцию губернатора на публичное рассмотрение дел и вынесение заключений, носивших статус судебного приговора².

Дальнейшее политико-правовое реформирование коснулось создания вертикали локальных судебных инстанций, высшей из которых стал общий суд, на котором председательствовал лично губернатор. Однако первые попытки систематизации юридических нововведений в Виргинии так и не сумели достичь главной цели, заключавшейся в создании местного четко структурированного правового поля, которое бы основывалось на правовой традиции метрополии и вместе с тем подчеркивало бы разделение властей. Ограниченность локальных кадровых и интеллектуальных ресурсов, а также отсутствие заметной политической воли на местах существенно тормозили весь процесс политико-правового реформирования, но региональная специфика Виргинии все же позволила начать выработку собственной системы толкования правовых норм. На первых порах данная система совершенствовалась усилиями местных энтузиастов, что в дальнейшем позволило юридическому пространству Виргинии развиваться быстрее по сравнению с другими близлежащими колониями. Главная особенность виргинской специфики заключалась в том, что непрерывное расширение и укрепление колониальной экономики, подпитываемое все большими масштабами сельскохозяйственного производства, продуцировали огромное количество торгово-финансовых контрактов, заключение и

исполнение которых требовало правового сопровождения³.

Рост числа жителей колонии и непрерывная иммиграция ускоряли процессы социально-политического развития местного общества, и при углублении классового расслоения к 1650-м гг. уже фиксировались представители местной бюрократической и интеллектуальной прослойки, многие из которых по своему образованию были юристами. Долгое время виргинское общество не имело опыта формирования независимых объединений правоведов, но при этом значительно востребовало профессию юриста как таковую. Колониальное общественное представление о политико-правовой сфере во многом основывалось на элитарности юридической профессии, а фактическая закрытость сообщества местных элит лишь усиливала представление о том, что губернатор, его непосредственное окружение и богатейшие семьи имели эксклюзивное и неотъемлемое право осуществлять судебную деятельность и разрешать существовавшие правовые споры.

Последовательный рост товарооборота между колонией, метрополией и иными участниками международного рынка, а также усиливавшаяся коммерциализация экономической сферы Виргинии привели к тому, что со второй половины XVII в. фигура правоведа стала все чаще востребоваться обществом в качестве необходимого посредника и полноценного участника локальных политико-экономических процессов. Постепенно возрастало количество судебных разбирательств, большинство из которых касалось вопросов торговли или права частной собственности на землю. Старая логика судопроизводства, при которой принадлежность к сообществу судей и прокуроров определялась имущественным цензом, а не профессиональной принадлежностью, все еще доминировала. Данная система цементировалась прежде всего местными элитами, которые были вовлечены в большинство значимых судебных разбирательств, а судьи, истцы и ответчи-

ки часто предпочитали решать все спорные ситуации внутри собственного закрытого сообщества. Посредническая роль адвоката, а также иногда и фигура обвинителя в подобных разбирательствах часто вовсе не были востребованы.

Искусственное сдерживание формирования профессионального юридического сообщества Виргинии было во многом обусловлено текущей политико-экономической конъюнктурой, которой сопутствовало локальное колониальное законодательство. Подобным образом виргинские акты 1642-1645 гг. устанавливали крайне низкое жалование юристов, а также вводили жесткую процедуру лицензирования, без прохождения которой правоведа не могли официально вести свою профессиональную деятельность. Стоит также упомянуть закон 1647 г., содержавший обязательное требование предварительной проверки юриста на предмет отсутствия его личной финансовой или родственной (в вопросах личной или семейной собственности) заинтересованности в благоприятном развитии и исходе разбирательства⁴.

Целенаправленное ужесточение процедур лицензирования и отбора местных юристов, а также постоянные проверки их благонадежности в значительной степени сдерживали распространение бытовавших в тот период мошеннических схем, но вместе с тем сознательно тормозили развитие профессионального юридического сообщества. Иммиграционные потоки также не позволяли насытить колониальное юридическое сообщество кадрами, поскольку прибывавшие из Европы правоведа в Виргинии фактически не имели возможности пройти профотбор и без допуска к судебным процессам часто были вынуждены переqualificироваться в смежные профессии. Практики частного юридического консультирования также не поощрялись местными властями, поскольку часто считались составляющими процветавших в тот период финансовых мошеннических схем, связанных со страхованием грузов, контрабандой и уклонением

от косвенного налогообложения. Прибывавшие в колонии английские правоведа находились под пристальным наблюдением властей и за любые нарушения предписаний в профессиональной деятельности наказывались крупными штрафами.

Начало 1660-х гг. стало временем постепенных изменений политико-правового поля Виргинии, которые происходили за счет того, что ранее отсутствовавшее профессиональное юридическое сообщество начало оформляться внутри самого мощного социального образования колонии – сообщества земельной элиты, фактически контролировавшего все аспекты внутриколониальной политики. Численность корпуса виргинских юристов определялась текущими и прежде всего экономическими нуждами, а профессионализм и лояльность участвовавших во всех политико-правовых процессах юристов обеспечивались их корпоративным интересом и прямой принадлежностью к кругу богатейших семей Виргинии. Они получали лучшее дорогостоящее образование и могли успешнее других служить интересам прежде всего своей привилегированной группы. Вместе с тем искусственная система профотбора и лицензирования усложнялась во многом для того, чтобы отсеивать тех правоведа, для которых доступ в высшие колониальные круги был изначально закрыт. Данная тенденция подтверждалась местным законодательством 1656-1658 гг., вводившим дополнительные процедуры подтверждения квалификации, обновления лицензии и принесения присяги. Подобное ограничительное законодательство обновлялось и дополнялось актами 1670-1680-х гг.

В последней четверти XVII в. виргинские реалии были таковы, что локальное юридическое сообщество колонии в целом насчитывало не более пятидесяти профессиональных правоведа и практикующих юристов, практически все из которых или были членами наиболее влиятельных семей, или служили им. Таким образом, область права стала одним из множества

инструментов влияния местных элит. Примечательными фигурами в данном контексте можно было считать виргинских юристов Б. Харрисона и У. Фицхью, известных прежде всего как крупные плантаторы и богатейшие люди Виргинии. Оба в Великобритании получили профессиональное юридическое образование и помимо экономической и торгово-финансовой деятельности прямо контролировали большую часть колониального судопроизводства. И Б. Харрисон, У. Фицхью со своим зятем Э. Баррадаллом в разное время занимали такие важные колониальные должности, как генеральный прокурор Виргинии, судья Адмиралтейского суда, казначей Виргинии и спикер Дома Бёрджесов⁵.

Начало XVIII в. ознаменовало новый этап развития политико-правового поля колониальной Виргинии, во время которого началась перестройка уже полностью подконтрольного земельным элитам юридического сообщества. С принятием законодательства 1718 г. еще раз упорядочивались процедуры лицензирования адвокатской деятельности, для них устанавливался новый фиксированный размер жалования, рассчитывавшийся из текущих экономических показателей наряду с оплатой труда колониальной бюрократии. Так, облагавшееся особым подоходным налогом жалование составляло в заседаниях общего суда пятьдесят шиллингов или пятьсот фунтов табачного сырья, а в заседаниях окружного суда - пятнадцать шиллингов или сто фунтов табачного сырья.

Законодательство 1732 г. еще раз подтверждало и дополняло существовавшие практики лицензирования юридической деятельности, расширив общее количество требований, обозначенных для получения разрешений губернатора и губернаторского совета. Также были унифицированы некоторые формальные стороны адвокатской практики, в частности, пересмотрен текст адвокатской присяги по образцам, ранее принятым в сопредельных колониях. Анализ акта 1732 г. обнаруживает проблемы,

связанные с ущербом от деятельности нелицензированных юристов, в обход существовавших правил принимавших участие в судебных процессах в роли свидетелей. Можно предположить, что именно законодательство 1732 г. знаменовало начало перехода к упорядочиванию и унификации всех аспектов колониального судопроизводства, которые распространились на всех юристов Виргинии посредством единого профессионального этического кодекса⁶. Насажение кодекса и разветвленная система штрафов за его несоблюдение вызвали неоднозначную и часто негативную реакцию профессионального сообщества, но усилиями наиболее влиятельных семей колонии подобная политика была прописана и дополнена в акте 1742 г., а затем повторно закреплена в акте 1745 г.⁷

Внутриколониальные споры о том, каким должен был быть облик политико-правового поля Виргинии, велись на всем протяжении первой половины XVIII в. Анализируя преобладающее в тот период мнение местных элит, можно заключить, что в качестве главного конструирующего данное поле элемента принималась политика сдерживания роста и введения ограничений самостоятельности всего правоведческого сообщества. Земельные элиты фактически определяли весь социально-политический облик колонии и использовали собственное экономическое могущество для контроля всех сфер общественной жизни. Немногочисленные юридические процедуры колониальной действительности к середине XVIII в. рассчитывались таким образом, что замыкались на губернатора, его совет, окружную элиту и лишь в последнюю очередь – народно-представительный Дом Бёрджесов. Ведя борьбу и фактически добившись контроля над Домом Бёрджесов, виргинские плантаторы сосредоточили в своих руках всю полноту власти на местах, а справедливо ощущая себя правящим классом колонии, опасались того, что юридическое сообщество могло бы со временем стать настолько влиятельным, что вме-

шивалось бы в текущую политику. Однако нельзя говорить о том, что искусственно созданные ограничительные меры преследовали целью полное подавление развития юридического сообщества⁸.

Социально-политическая обстановка Виргинии середины XVIII в. наглядно продемонстрировала растущую потребность в значительном количестве практикующих профессиональных юристов. Официальные власти Виргинии, также как и в других колониях, уже в 1705 г. инициировали долгосрочную судебно-административную реформу, главной целью которой было создание сложной и независимой системы регулярных судов по британским образцам, но с учетом местной специфики. К середине XVIII в. данная реформа находилась на финальном этапе. Она влилась в русло общих североамериканских процессов и коснулась новых способов профессионального отбора юристов, получавших доступ к колониальному судопроизводству. В данном вопросе колониям не удалось достичь всеобщего согласия, после чего было официально принято и утверждено два способа процедуры профотбора. Первую группу составили Массачусетс, Пенсильвания, Мэриленд и Нью-Хэмпшир, отстаивавшие принятые в метрополии процедуры, согласно которым каждая судебная коллегия самостоятельно осуществляла отбор и брала ответственность за контроль над деятельностью собственных юристов. Во вторую группу вошли Виргиния, а также Северная Каролина, Южная Каролина, Нью-Йорк, Нью-Джерси, Коннектикут, Род-Айленд и Делавэр, выступившие за учреждение строго подотчетного властям централизованного контроля над квалификацией юристов, который регламентировал их допуск к судопроизводству по заранее утвержденным критериям, единым на всей территории колонии⁹.

Следуя данной логике, в Виргинии было принято законодательство 1748 г., учреждавшее специализированные судебные комиссии нового образца, имевшие полномочия осуществления профессионального отбора

и контроля лицензирования всех колониальных юристов. Данная комиссия могла самостоятельно принимать решение о допуске юристов к участию в судебных разбирательствах, а также об их отстранении от участия в судебном процессе и даже лишении лицензии в случае, если было доказано нарушение профессиональной этики. С началом работы судебных комиссий современники фиксировали официальное закрепление адвокатской деятельности на территории колонии и признание самостоятельности адвокатуры внутри профессионального юридического сообщества Виргинии¹⁰.

Постепенное реформирование политико-правового поля колонии, заметное к середине XVIII в., сохраняло свой главный вектор направленности, отвечая прежде всего интересам привилегированных групп Виргинии. Плантадоры укрепляли позиции местного юридического сообщества во многом для того, чтобы самим продолжать играть главенствующую роль в судопроизводстве. Это заметно на примере политической карьеры выходцев из семейств Рэндольфов, Эмблеров и Бёрдов¹¹. Данную тенденцию прекрасно иллюстрировала карьера плантатора У.Бёрда, получившего профессиональное юридическое образование в Мидл-Темпл и выполнявшего функции агента Виргинии в Лондоне. У. Бёрд был членом и губернаторского совета, и Дома Бёрджесов, контролировал сельскохозяйственное производство и товарооборот на огромных территориях вдоль виргино-каролинской границы. Он фактически единолично и через подконтрольных и лично верных ему юристов осуществлял всю полноту судебной власти на подконтрольных землях. Плантадорский клан Рэндольфов также не допускал посторонних лиц в разрешение юридических споров на подконтрольных им территориях, а начиная со спикера Дома Бёрджесов У. Рэндольфа данная семья располагала несколькими поколениями профессиональных правоведов, многие из которых занимали важнейшие колониальные должности, такие как генеральный прокурор

Виргинии Д. Рэндольф. Семья Эмблер также контролировала колониальное судопроизводство, сконцентрировав в своих руках все судебные решения относительно акцизных сборов и соблюдения требований налогового законодательства. Эмблеры имели передававшийся по наследству статус налогового агента короны и фактически сумели стать посредниками между местными элитами и лондонскими властями¹².

Во второй половине XVIII в. преобладание виргинских земельных элит во всех вопросах колониальной общественной жизни лишь усилилось. Богатейшие семьи продолжали удерживать полный контроль над всеми политико-правовыми процессами Виргинии¹³. В последующее время элиты стали одними из наиболее заметных социально-политических инициаторов и проводников американской войны за независимость, вписав в историю имена таких знаменитых юристов и одновременно выходцев из местных элит, как П. Рэндольф, Э. Рэндольф, П. Генри, Э. Пендлтон, Т. Джефферсон, Д. Уайт¹⁴.

Подводя итоги анализа исторической специфики формирования и развития политико-правового поля колониальной Виргинии, можно сделать ряд важных выводов.

Во-первых, с раннего периода существования колонии местные земельные элиты прочно заняли место главного политического актора, который опирался на собственное экономическое могущество и благодаря этому определял вектор развития политико-правового поля Виргинии. Власть плантаторского сообщества была практически абсолютной, поскольку распространялась на подконтрольные им территории, а политико-правовая система была вынуждена подстраиваться под их нужды таким образом, чтобы судопроизводство и осуществление власти на данных землях проводились в личных интересах конкретного крупного землевладельца. Формирование политико-правового поля на подобных основаниях привело к тому, что административно-территориальное деление всей колониальной территории на сферы влияния

богатейших семейств напрямую отразилось на создании первой системы окружных судов. Именно данные суды практически сразу после своего учреждения выступили одним из основных социально-политических инструментов осуществления власти землевладельцев конкретного региона.

Во-вторых, долгий процесс реформирования политико-правового поля колонии, результаты которого стали заметны к середине XVIII в., наглядно показал, что местные земельные элиты искали способ создания более совершенной правовой системы, которая в то же время оставляла бы основные инструменты осуществления власти в их руках. Таким образом, была учреждена двухуровневая судебная система, вертикаль которой состояла из окружных судов и общего суда под председательством губернатора. Прогрессивность реформирования и ориентация колониальных властей на формальную сторону британской правовой традиции здесь сопутствовала тому, что земельные элиты долгое время препятствовали формированию механизма сдержек и противовесов, который мог бы установить четкое разделение между судебной, законодательной и исполнительной властью. При этом влияние местных элит было настолько определяющим, что и губернаторский совет, и Дом Бёрджесов находились под их контролем, не имея возможности препятствовать обозначившейся тенденции торможения процесса формирования независимого профессионального юридического сообщества. В конечном счете именно местные элиты выработали компромиссное решение, согласно которому колониальное юридическое сообщество стало развиваться лишь в контексте более крупного сообщества землевладельческих элит, доступ в которое извне был фактически закрыт.

В-третьих, частичное распределение полномочий местной судебной власти внутри сообщества землевладельцев позволило присоединиться к реформам середины XVIII в., в которых североамериканские колонии создали систему независимых судов. Спец-

ифика Виргинии предполагала, что независимость судов фактически была относительной, поскольку комиссии, осуществлявшие лицензирование юристов и допускавшие их к участию в судопроизводстве, также оказывались под контролем элит. Юридическое сообщество Виргинии укрепило свои позиции, но окончательно стало закрытой прослойкой, став частью более влиятельного общества плантаторских семейств.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Макаров Е.П. Экономическая демография колониальной эпохи Северной Америки // Исторический курьер. 2019. № 4 (6). С. 4-12.
- ² Bruce P.A. Economic history of Virginia in the seventeenth century, an inquiry into the material condition of the people, based upon original and contemporaneous records. Vol. II. New York: Macmillan and Co., 1896. 663 p.
- ³ The statutes at Large, being a collection of all the laws of Virginia, from the first session of the legislature in the year 1619. Vol. I. Richmond: Samuel Pleasants, junior. 1809. 552 p.
- ⁴ Beverley R. The History and the Present State of Virginia. London: R. Parker, 1855. 103 p.
- ⁵ Letters of William Fitzhugh // Virginia magazine of history and biography. Vol. III. 1896. pp. 253-259.
- ⁶ Макаров Е.П. Историческое значение Закона о

патоке 1733 г. в политико-экономической жизни Виргинии XVIII в. // История государства и права. 2021. № 5. С. 61-67.

- ⁷ Stanard M.N. Colonial Virginia. Its People and Customs. Philadelphia: Lippincott, 1917. 518 p.
- ⁸ Stith W. The History of the First Discovery and Settlement of Virginia. New York: Reprinted for Joseph Sabin, 1865. 386 p.
- ⁹ Starke R. The Office and Authority of a Justice of Peace Explained and Digested, under Proper Titles. Williamsburg: Alexander Purdie and John Dixon, 1774. 353 p.
- ¹⁰ Campbell C. History of the Colony and the Ancient Dominion of Virginia. Philadelphia: J.B. Lippincott, 1860. 768 p.
- ¹¹ West Virginia Historical Society. Genealogies of West Virginia Families From the West Virginia Historical Magazine Quarterly, 1901-1905. Minneapolis: Clearfield Company, 1992. 286 p.
- ¹² The reports by Sir John Randolph and by Edward Barradall of decisions of The General Court of Virginia 1728-1741 // Virginia colonial decisions. Vol. I. Boston: The Boston book company, 1909. 415 p.
- ¹³ Henry H.W. A Story of Patrick Henry, American Statesman and Orator. Albuquerque: The genealogy club of Albuquerque. 1996. 83 p.
- ¹⁴ Conway M.D. Omitted Chapters of History disposed in the life and papers of Edmund Randolph, governor of Virginia, first attorney-general United States secretary of state. New York: G.P. Putnam's sons, 1889. 431 p.

HISTORICAL SPECIFICITY OF THE POLITICAL AND LEGAL FIELD OF COLONIAL VIRGINIA

© 2022 E.P. Makarov

Samara State Technical University

The article is devoted to the study of the historical features of the formation and development of an original model of legal relations that developed in Virginia during the colonial period. The existing source base makes it possible to correlate the legal interests of some of the most important participants in local socio-political processes, such as the official authorities of the colony, the local landed elite, and broad sections of North American society. The analysis of the formation of the judicial system in the colonial possessions of Great Britain reveals the specifics of individual colonies, among which the legal practices of Virginia rightfully occupied a special place, since they were a direct reflection of the political compromise between the most prominent groups of influence, such as the governor's entourage, local land elites and the political nation of the colony. The inclusion of the legal system of colonial Virginia in a kind of system of checks and balances, which had an important impact on establishing a balance between the various branches of government, is particularly noteworthy. At the same time, the historical experience of Virginia clearly demonstrates how the needs of the colonial economy determined the development of local law and the political system.

Keywords: North American colonies, colonial elites, Virginia, legal system, American Revolutionary War.

DOI: 10.37313/2658-4816-2022-4-3-44-50

Egor Makarov, Candidate of History, Associate Professor, Department of Philosophy, Social Sciences and Humanities. E-mail: egor.makarov.esq@gmail.com